ЗВЕЗДА
г. Молотов

1868 М. Горький. 1953

Основоположник советской литературы

А. ВОЛКОВ,
доктор филологических наук

Имя Алексея Максимовича Горького стоит в ряду великих имен русской и мировой литературы. Деятельность Горького относится к той эпохе в жизни России, когда руководящей силой в освободительной борьбе выступил рабочий класс, возглавивший, по определению Ленина, «движение самих масс».

Эта борьба, начиная с ее истоков и кончая победоносным строительством социализма, ярко запечатлена в творчестве великого писателя. Деятельность Горького—яркий показатель того, что русская литература как на новом этапе, так и на предшествующих, выступала самой передовой литературой мира. Горький глубоко осознавал новые задачи русской литературы, которая должна была подняться на новую ступень—воплотить героику революционной народной борьбы.

«Настало время нужды в героическом», —писал он Чехову. В этих словах выражено существо горьковского новаторства в литературе.

Горький указывал литературе новые пути. Он последовательно и целеустремленно боролся против тех писателей, которые препятствовали активному вмешательству творческой мысли в жизнь и уводили читателя в сторону от насущных задач революционной борьбы.

В своем раннем творчестве Горький утверждал веру в лучшее будущее, в победу человеческого разума и воли. Его первые произведения проникнуты духом возмущения и протеста против эксплуататоров, страстным стремлением к свободе.

Стремление к новой свободной жизни выражают «Песня о соколе», «Песня о буревестнике», рассказ «Старуха Изергиль», герой которого—юноша Данко вырывает из груди горящее сердце, чтобы осветить путь своему народу.

Осознание писателем новой революционной правды расширило границы его творчества: дало ему ясную цель в борьбе за свободу, понимание подлинных позиций различных классов русского общества в те годы, когда пролетариат готовился к решительной битве с самодержавием. Сама правда жизни раскрылась Горькому как возвышающая, и она требовала от писателя новых художественных средств.

Горький явился основоположником нового метода в литературе—основоположником социалистического реализма. Метод социалистического реализма сочетает правду изображения с ясной перспективой будущего. Горький прокладывал путь той новой, свободной литературе, принципы которой определил Владимир Ильич Ленин в статье «Партийная организация и партийная литература». Как художник, Горький первый воплотил в своем творчестве принципы партийности литературы.

В 1906 году выходит в свет повесть «Мать». Горький показал в ней светлый облик пролетарского революционера, носителя великой общенародной правды. Эта книга—яркое свидетельство той огромной силы, которая зрела в недрах русского народа. Повесть «Мать» помогала Коммунистической партии в собирании и сплочении пролетариата для новой борьбы, звала на подвиг людей, преданных делу революции, пробуждала сознание у отсталых рабочих.

В повести «Мать» Горький впервые в русской литературе создал образы лучших людей рабочего класса — сознательных революционеров-коммунистов, показал, как растет и крепнет в гуще рабочего класса революционное сознание, несмотря на поражение революции 1905 года. Своей повестью великий писатель утверждал веру в грядущие перемены.

Вместе с тем, перед художником пролетариата стояла и другая неотложная задача: он должен был противодействовать косным силам мещанства, стоявшим на пути поступательного движения революции. И эту роль выполняли такие произведения Горького, как «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина» и другие, в которых он показал, как калечит человеческую личность мелкий эгоизм, пошлость и торгашество. О том, как духовно уродует человека буржуазная действительность, он писал в своей статье «Разрушение личности».

Поехав по заданию партии в Америку, Горький прозорливо увидел гнилость и продажную сущность буржуазной «демократии». Его очерки об Америке: «Город Желтого Дьявола», «Царство скуки», «Толпа», «Жрец морали», «Один из королей республики» — разоблачают гнилость буржуазной культуры. В этих очерках-памфлетах Горький показывает изнанку американской псевдо-демократии.

В своих лучших произведениях Горький выразил сущность русского народного характера и сам в глазах всех прогрессивных людей мира был олицетворением этого характера. И это понятно, ибо Горький, как никто из русских писателей до него, был неразрывными узами связан с народом.

Испытав на себе всю жестокость буржуазного общества, Горький ярко и беспощадно разоблачил его в своей автобиографической трилогии — в книгах «Детство», «В людях» и «Мои университеты». Вместе с тем, в автобиографических повестях он показал, что «не только тем изумительна наша жизнь, что в ней так плодовит и живен пласт всякой скотской дряни но и тем, что сквозь этот пласт все-таки победно прорастает яркое, здоровое и творческое, растет доброе-человечье, возбуждая несокрушимую надежду на возрождение наше к жизни светлой, человеческой».

Великими целями будущего Горький руководствовался, когда он начинал плодотворную деятельность по сплочению сил демократической литературы, объединив вокруг возглавляемого им издательства «Знание» наиболее прогрессивных писателей. Он принимает непосредственное и горячее участие в подготовке партийной легальной печатью кадров пролетарских писателей, ведет большую литературно-издательскую работу.

После победы Октябрьской социалистической революции общественная и литературная деятельность Горького проникнута страстным утверждением нового общественного героя.

Он явился инициатором и создателем замечательных традиций советских писателей — смелого вторжения в жизнь, органического сочетания литературных и общеполитических интересов. Горький испытывал чувство радости и восторга, наблюдая, как на его глазах в ходе строительства формировался и рос новый советский человек смело перестраивающий жизнь на новых началах. Многочисленные темы горьковских статей объединяла одна большая идея: раскрепощенная творческая энергия народа способна совершать чудеса. Советский строй, давший широкий простор этой энергии,—непобедим.

В художественном воплощении роста нового человека и новой культуры он видел почетную задачу советской литературы. Уже с двадцатых годов в своих «Рассказах о героях» — о рядовых советских людях, осознавших себя хозяевами и творцами жизни, Горький как бы предвосхитил природу массового трудового героизма в годы сталинских пятилеток.

В эти же годы Горький начинает работать над величайшим из своих произведений — над повестью «Жизнь Клима Самгина».

Горький неустанно призывал советских писателей распознавать в сегодняшней действительности ростки будущего, показывать настоящее социалистической Родины в ее непрестанном движении вперед. Выступая на первом Всесоюзном съезде писателей, он говорил:

«Социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого — непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека, ради победы его над силами природы, ради его здоровья, долголетия, ради великого счастья жить на земле, которую он, сообразно непрерывному росту его потребностей, хочет обработать всю, как прекрасное жилище человечества, объединенного в одну семью».

Горький призывал писателей безустали работать над языком, которому придавал огромное значение. «Язык,—писал он в статье «О прозе», — особенно требует тщательного отбора всего лучшего, что в нем есть, — ясного, точного, красочного, звучного и дальнейшего любовного развития этого лучшего».

Горький уделял огромное внимание литературе братских республик. Трудно переоценить значение проделанной им работы по популяризации творчества украинских, грузинских, белорусских, азербайджанских, казахских, туркменских писателей и поэтов. Так Горький воплощал в действительность мудрую сталинскую политику дружбы народов.

Искренний друг народов, населяющих нашу необъятную Родину, он многократно подчеркивал, что трудящиеся больше всего хотят мира и к обеспечению прочного, длительного мира направлены все их усилия.

«Рабоче-крестьянская масса Союза Советов, — писал Горький, — не хочет воевать, она хочет создать государство равных. Но в случае нападения на нее она будет защищаться вся, как одно целое, и победит, потому, что на нее работает история».

Эти слова Горького нашли свое полное подтверждение в Великой Отечественной войне, когда весь народ поднялся на защиту своей Родины и мировой цивилизации от фашистских варваров. Горький прекрасно распознал империалистическую сущность фашизма и заклеймил его, как злейшего врага человечества. Горький внедрял в сознание людей непримиримую ненависть к фашизму и всем темным силам империализма «Если враг не сдается, его уничтожают», — говорил он.

В учении ленинизма, в мудром руководстве товарища Сталина строительством социализма в нашей стране Горький видел воплощение тех героических, высоких идеалов, которые питают искусство социалистического реализма.

Любимый писатель народа

Большое наследие оставил основоположник литературы социалистического реализма — Алексей Максимович Горький советским читателям.

За 35 лет советской власти тираж изданий произведений Горького достиг 68.999 тыс. экземпляров. Все народы, населяющие многонациональный Советский Союз, могут познакомиться с книгами великого пролетарского писателя-гуманиста на своем родном языке. Его произведения переведены у нас на 70 языков.

Особой любовью читателей пользуется роман «Мать», выдержавший 148 изданий и напечатанный на 37 языках. 116 раз переиздавалась повесть «Детство». Она переведена на 34 языка.

Советские люди горячо любят Горького — пламенного борца за коммунизм. Его статьи, беспощадно разоблачающие американский империализм и его культуру, выступления в защиту мира и демократии, известны всем. Публицистические произведения А. М. Горького вышли в 227 изданиях огромным тиражом — 8.341 тыс. экземпляров.

Особенно велика сейчас популярность А. М. Горького в странах народной демократии. В Болгарии, например, уже несколько раз переиздавались книги «Мать», «Детство», «В людях», «Мои университеты» и другие. С 1946 года там начато издание полного собрания сочинений А. М. Горького.

* * *

Тысячи читателей берут книги любимого писателя в Молотовской библиотеке имени А. М. Горького. Горького читают люди самых различных профессий и возрастов. Старая читательница библиотеки 70-летняя пенсионерка Евдокия Яковлевна Рогачева прочла полное собрание сочинений Горького. Восемнадцать томов собрания сочинений прочел экономист т. Луканин. Сейчас библиотека имеет более 2.500 книг писателя.

«У Максима Горького, — говорил в свое время В. М. Молотов,—много читателей-поклонников. Ряды их будут еще долго расти и расти».

И это действительно так!

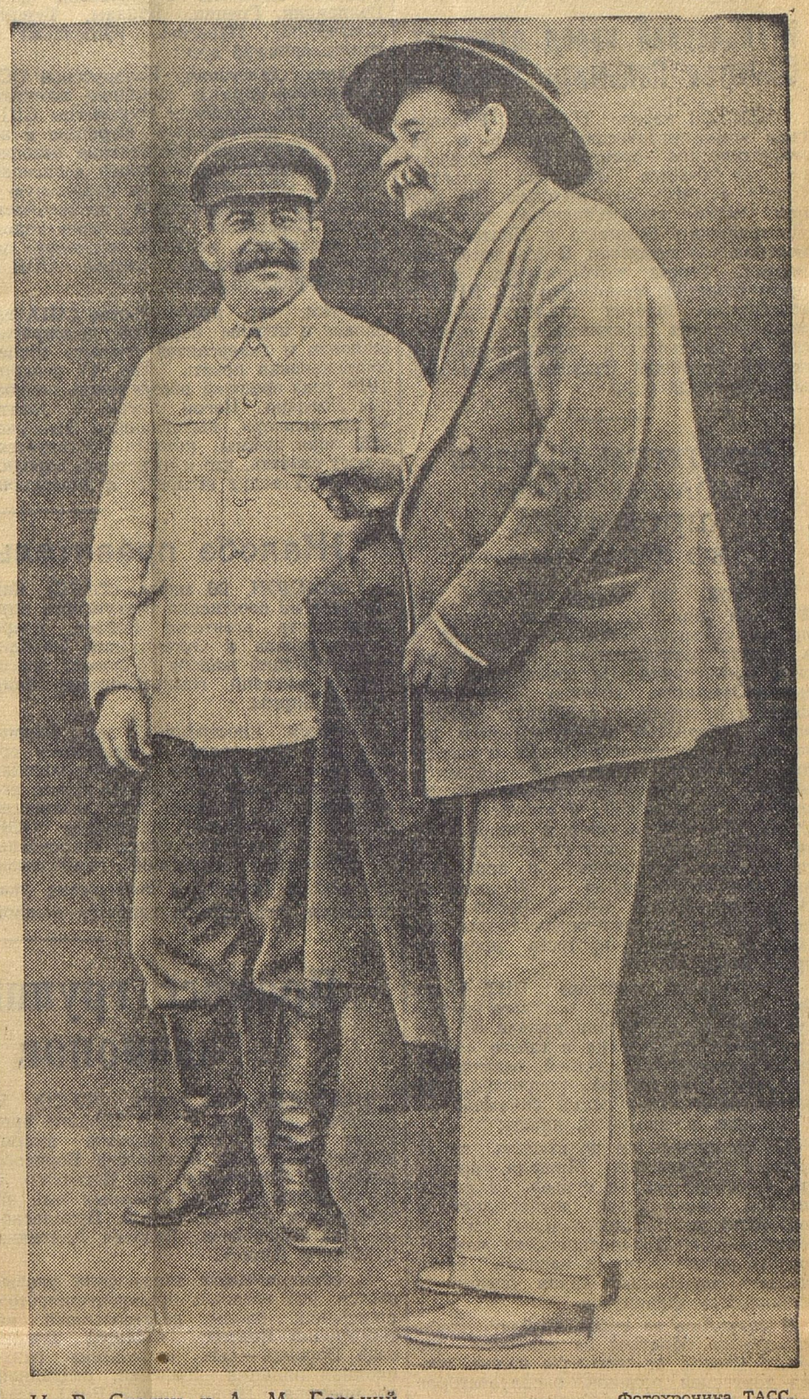
—о—

Великий драматург

Замечательные пьесы А. М. Горького занимают почетное место среди лучших произведений русской классической и советской драматургии. Каждый год театры нашей области обращаются к ним в своей творческой работе.

Любимым спектаклем трудящихся города Березников стала сейчас пьеса «Зыковы». В прошлом году ее посмотрело около тринадцати тысяч человек. В Кизеловском и Краснокамском театрах поставлены «Старик» и «Мещане». Молотовский драматический театр вскоре покажет замечательную революционную пьесу А. М. Горького «Враги». В программах выступлений артистов — чтецов филармонии — отдельные произведения Горького, большой литературный монтаж «Горький об Америке».

Произведения Горького всегда дороги нам. Смотря спектакли, слушая слово писателя, трудящиеся проникаются огромной любовью к Человеку—борцу и творцу.



И. В. Сталин и А. М. Горький. Фотохроника ТАСС.

Горький говорил...

«Моя радость и гордость—новый русский человек, строитель нового государства».

* * *

«Прекрасную жизнь строите вы. Счастлив сказать вам это от всей души».

* * *

«Товарищ! Знай и верь, что ты—самый необходимый человек на земле... ты начал создавать действительно новый мир.
Учись и учи!».

* * *

«Коммунизм, как судья, приговорил старый мир к смерти, как вождь трудовых масс, силою их он разрушит его, а как организатор трудовой энергии—построит на земле новый мир».

* * *

«Всю мою жизнь я видел настоящими героями только людей, которые любят и умеют работать, людей, которые ставят целью себе освобождение всех сил человека для творчества, для украшения нашей земли, для организации на ней форм жизни, достойных человека».

* * *

«Человечество не может погибнуть оттого, что некое незначительное его меньшинство творчески одряхлело и разлагается от страха пред жизнью и от болезненной, неизлечимой жажды наживы. Гибель этого меньшинства—акт величайшей справедливости, и акт этот история повелевает совершить пролетариату».

* * *

«Мы выступаем в стране, освещенной гением Владимира Ильича Ленина, в стране, где неутомимо и чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина».

М. ГОРЬКИЙ

Город Желтого Дьявола

...Над океаном и землею висел туман, густо смешанный с дымом, мелкий дождь лениво падал на темные здания города и мутную воду рейда.

У бортов парохода собрались эмигранты, молча гляля на все вокруг пытливыми глазами надежд и опасений, страха и радости.

— Это кто?—тихо спросила девушка-полька, изумленно указывая на статую Свободы. Кто-то ответил:

— Американский бог...

Массивная фигура бронзовой женщины покрыта с ног до головы зеленой окисью. Холодное лицо слепо смотрит сквозь туман в пустыню океана, точно бронза ждет солнца, чтобы оно оживило ее мертвые глаза. Под ногами Свободы—мало земли, она кажется поднявшейся из океана, пьедестал ее — как застывшие волны. Ее рука, высоко поднятая над океаном и мачтами судов, придает позе гордое величие и красоту. Кажется — вот факел в крепко сжатых пальцах ярко вспыхнет, разгонит серый дым и щедро обольет все кругом горячим, радостным светом.

А кругом ничтожного куска земли, на котором она стоит, скользят по воде океана, как допотопные чудовища, огромные железные суда, мелькают, точно голодные хищники, маленькие катера. Ревут сирены, подобно голосам сказочных гигантов, раздаются сердитые свистки, гремят цепи якорей, сурово плещут волны океана.

Все кругом бежит, стремится, вздрагивает напряженно. Винты и колеса пароходов торопливо бьют воду — она покрыта желтой пеной, изрезана морщинами.

И кажется, что все — железо, камни, вода, дерево — полно протеста против жизни без солнца, без песен и счастья, в плену тяжелого труда. Все стонет, воет, скрежещет, повинуясь воле какой-то тайной силы, враждебной человеку. Повсюду на груди воды изрытой и разорванной железом, запачканной жирными пятнами нефти, засоренной щепами и стружками, соломой и остатками пищи, работает невидимая глазом холодная и злая сила. Она сурово и однообразно дает толчки всей этой необъятной машине, в ней корабли и доки — только маленькие части, а человек — ничтожный винт, невидимая точка среди уродливых, грязных сплетений железа, дерева, в хаосе судов, лодок и каких-то плоских барок, нагруженных вагонами.

Ошеломленное, оглохшее от шума, задерганное этой пляской мертвой материи двуногое существо, все в черной копоти и масле, странно смотрит на меня, сунув руки в карманы штанов. Лицо его замазано густым налетом жирной грязи, и не глаза живого человека сверкают на нем, а белая кость зубов.

* * *

О людях — страшно и больно говорить.

Вагон «воздушной дороги» с воем и грохотом мчится по рельсам, между стен домов узкой улицы, на высоте третьих этажей, однообразно опутанных решетками железных балконов и лестниц. Окна открыты, и почти в каждом из них — фигуры людей. Одни работают, что-то шьют или считают наклонив головы над конторками, другие просто сидят у окон, лежат грудью на подоконниках и смотрят на вагоны, каждую минуту пробегающие мимо их глаз. Старые, молодые и дети — все одинаково безмолвны, однообразно спокойны. Привыкли к этим стремлениям без цели, привыкли думать, что тут есть цель. В глазах нет гнева против владычества железа нет ненависти к его торжеству. Мелькание вагонов сотрясает стены домов, вздрагивают груди женщин, головы мужчин: на решетках балконов валяются тела детей и тоже дрожат, привыкая принимать эту отвратительную жизнь как должное, неизбежное. В мозгах, которые всегда встряхивают, вероятно, невозможно мысли плести свои смелые, красивые кружева, невозможно родить живую, дерзкую мечту.

Вот промелькнуло темное лицо старухи в грязной кофте, расстегнутой на груди. Уступая дорогу вагонам, замученный, отравленный воздух испуганно бросился в окна,—седые волосы на голове старухи затрепетали точно крылья серой птицы. Она закрыла свинцовые, погасшие глаза. Исчезла.

В мутных внутренностях комнат мелькают железные прутья кроватей, покрытых лохмотьями, грязная посуда и объедки пищи на столах. Хочется увидеть цветы на окнах, ищешь человека с книгой в руке. Стены льются мимо глаз точно расплавленные, они текут грязным потоком навстречу, в быстром беге потока тягостно копошатся безмолвные люди.

Лысый череп тускло блеснул за стеклом, покрытым слоем пыли. Он однообразно качался над каким-то станком. Девушка, рыжеволосая и тонкая, сидит на окне и вяжет чулок, считая темными глазами петли. Ударом воздуха ее качнуло внутрь комнаты, — она не отвела глаз от работы, не поправила платья, развеянного ветром. Два мальчика, лет по пяти, строят на балконе дом из щепок. Он развалился от сотрясения. Дети хватают маленькими лапами тонкие щепы, чтобы они не упали на улицу сквозь отверстия в решетке балкона — и тоже не смотрят на причину, помешавшую их забаве. Еще и еще лица, одно за другим, мелькают в окнах, точно осколки чего-то одного—большого, но разбитого в ничтожные былинки, растертого в дресву.

Гонимый бешеным бегом вагонов, воздух развевает платье и волосы людей бьет им в лицо теплой, душной волной, толкает, вгоняет им в уши тысячи звуков, бросает в глаза мелкую, едкую пыль, слепит, оглушает протяжным, непрерывно воющим звуком...

Живому человеку, который мыслит, создает в своем мозгу мечты, картины, образы, родит желания, тоскует, хочет, отрицает, ждет, — живому человеку этот дикий вой, визг, рев, эта дрожь камня стен, трусливый дребезг стекол в окнах— все это ему мешало бы. Возмущенный, он вышел бы из дома и сломал, разрушил эту мерзость — «воздушную дорогу»; он заставил бы замолчать нахальный вой железа, он—хозяин жизни, жизнь — для него, и все, что ему мешает жить,—должно быть уничтожено.

Люди в домах города Желтого Дьявола спокойно переносят все, что убивает человека.

* * *

Внизу, под железной сетью «воздушной дороги», в пыли и грязи мостовых, безмолвно возятся дети, — безмолвно, хотя они смеются и кричат, как дети всего мира, но голоса их тонут в грохоте над ними, точно капли дождя в море. Они кажутся цветами, которые чья-то грубая рука выбросила из окон домов в грязь улицы. Питая свои тела жирными испарениями города, они бледны и желты, кровь их отравлена, нервы раздражены зловещим криком ржавого металла, угрюмым воем порабощенных молний.

«Разве из этих детей вырастут здоровые, смелые, гордые люди?» — спрашиваешь себя. В ответ отовсюду скрежет, хохот, злой визг.

Вагоны несутся мимо Ист-Сайда, квартала бедных, компостной ямы города. Глубокие канавы улиц, ведущие людей куда-то в глубины города, где—представляется уму—устроена огромная, бездонная дыра, котел или кастрюля. Туда стекаются все эти люди, и там из них вываривают золото. Канавы улиц кишат детьми.

Я очень много видел нищеты, мне хорошо знакомо ее зеленое, бескровное, костлявое лицо. Ее глаза, тупые от голода и горящие жалностью, хитрые и мстительные или рабски покорные и всегда нечеловеческие, я всюду видел, но ужас нищеты Ист-Сайда—мрачнее всего, что я знаю.

В этих улицах, набитых людьми, точно мешки крупой, дети жадно ищут в коробках с мусором, стоящих у панелей, загнившие овощи и пожирают их вместе с плесенью тут же, в едкой пыли и духоте.

Когда они находят корку загнившего хлеба, она возбуждает среди них дикую вражду: охваченные желанием проглотить ее, они дерутся, как маленькие собачонки. Они покрывают мостовые стаями, точно прожорливые голуби; в час ночи, в два и позднее — они все еще роются в грязи, жалкие микробы нищеты, живые упреки жадности богатых рабов Желтого Дьявола.

В этих улицах темные впадины дверей подобны загнившим ранам в камне стен. Когда, заглянув в них, увидишь грязные ступени лестниц, покрытые мусором, кажется, что там, внутри, все разложилось и гнойно, как во чреве трупа. А люди представляются червями...

Высокая женщина с большими темными глазами стоит у двери, на руках у нее ребенок, ее кофта расстегнута, бессильно повисла длинным хоботом ее синяя грудь. Ребенок кричит, царапая пальцами вялое, голодное тело матери, тычется в него лицом, чмокает губами, на минуту умолкает, вновь кричит с большей силой, бьет руками и ногами грудь матери. Она стоит, точно каменная, и глаза ее круглы, как у совы, — они смотрят упорно в одну точку перед собой. Чувствуешь, что этот взгляд не может видеть ничего, кроме хлеба. Она плотно сжала губы и дышит носом, ноздри ее вздрагивают, втягивая пахучий, густой воздух улицы: этот человек живет воспоминанием о пище, проглоченной им вчера, мечтой о куске, который он, может быть, съест когда-нибудь. Ребенок кричит, судорожно подергиваясь маленьким, желтым тельцем, — она не слышит его криков, не чувствует ударов...

Старик длинный и худой, с хищным лицом, без шляпы на седой голове, прищурив красные веки больных глаз, осторожно роется в куче мусора, отбирая куски угля. Когда к нему подходят, он неуклюже, точно волк, поворачивает туловище и что-то говорит.

Юноша, очень бледный и худой, опираясь на столб фонаря, смотрит серыми глазами вдоль улицы и по временам встряхивает курчавой головой. Его руки засунуты глубоко в карманы брюк и судорожно шевелят там пальцами...

Здесь, в этих улицах, человек заметен, слышен его голос, озлобленный, раздраженный, мстительный. Здесь у человека есть лицо—голодное, возбужденное, тоскующее. Видно, что люди чувствуют, замечено, что они думают. Они кишат в грязных канавах, трутся друг о друга, точно сор в потоке мутной воды, их кружит и вертит сила голода, оживляет острое желание съесть что-нибудь.

В ожидании пищи, в мечтах о наслаждении быть сытыми, они глотают насыщенный ядами воздух, и в темных глубинах их душ рождаются острые мысли, хитрые чувства, преступные желания. Они подобны болезнетворным микробам в желудке города, и будет время, когда они его отравят теми же ядами, которыми он так щедро питает их теперь!

Юноша у фонаря время от времени встряхивает головой, крепко стиснув голодные зубы. Мне кажется, я понимаю, о чем он думает, чего он хочет, — иметь огромные руки страшной силы и крылья за спиной он хочет, мне кажется. Это для того, чтобы однажды днем подняться над городом, опустить в него руки, как два стальных рычага, и смешать в нем все в груду мусора и праха,—кирпич и жемчуг, золото и мясо рабов, стекло и миллионеров, грязь, идиотов храмы, деревья, отравленные грязью и эти глупые, многоэтажные «скребницы неба», все, весь город — в кучу, в тесто из грязи и крови людей — в скверный хаос. Это страшное желание естественно в мозгу юноши, как нарыв на теле худосочного. Где много работы рабов, там не может быть места для свободной, творческой мысли, там могут цвести только идеи разрушения, ядовитые цветы мести, буйный протест животного. Это понятно — искажая душу человека, люди не должны ждать от него милосердия к ним.

Человек имеет право мести — это право дают ему люди.

Печатается в сокращенном виде.